

Ополчение Вятской губернии в 1812—1814 гг.

Э.А. Цеглеев

Чрезвычайные военные обстоятельства лета 1812 г., почти трехкратное численное превосходство наполеоновских войск над русскими на театре военных действий, оккупация неприятелем западных губерний Российской империи подвигли Александра I к созданию в стране народного ополчения. 6 июля 1812 г., находясь в лагере возле Полоцка, император издал манифест, в котором содержался призыв ко всем подданным вступать в ополчение, но не оговаривался порядок его формирования¹. В манифесте от 18 июля уточнялось, что к сбору ратников пока привлекаются лишь 16 губерний, отнесенных к трем ополченческим округам. Вятская губерния вместе с Казанской, Нижегородской, Костромской, Симбирской и Пензенской губерниями вошла в состав 3-го ополченческого округа. 17 июля начальником 3-го ополченческого округа был назначен генерал-лейтенант П.А. Толстой. Местом пребывания штаба 3-го округа избрали Нижний Новгород². В третьей декаде июля в губерниях, входящих в состав округа, началось формирование ополчения.

21 июля 1812 г. вятский губернатор Ф.И. Фон-Брадке направил вятскому городничему подполковнику Штерху предписание следующего содержания: «...Всемиловейший Государь для защиты отечества и уничтожения неприятельских сил вызывает всех верных сынов отечества. Я никак не могу сомневаться, чтобы в высочайше вверенной управлению губернии из всех сословий не были в готовности подражать Пожарскому, Палицину и Минину... Почему предлагаю вашему высокоблагородию по обнародовании высочайшего Манифеста внушать всем любящим верноподданным Государя и свое отечество, сколь нужно всякого сословия неотлагательное исполнение, объяснить при том и то, кто пожелает поступить в сие новообразуемое ополчение, чтобы явились к вам...»³. Епископ Вятский и Слободской Гedeон обратился к прихожанам вверенной ему епархии с призывом, чтобы они по «примеру нынешних обитателей московских, из которых дворяне пожертвовали от десяти человек одного с обмундированием, а кушцы деньгами до пяти миллионов, не щадили ни имения, ни живота своего, немедленно б

жертвовали, по крайней мере, сообразно сему усердию московских обывателей и людьми и именем»⁴.

23 июля в Вятке состоялось собрание Вятского купеческого и мещанского общества. На нем после оглашения Манифеста было выслушано сообщение губернатора о порядке принятия в ополчение, в котором «...его превосходительство изволил предлагать, что те, кои из сословий их пожелают или обществом избраны будут, оные должны остаться в нынешних их положениях, впредь до востребования, и градское общество властно самоизбрать из сословиев своих и начальников или свободных чиновников с соблюдением, чтобы поведение их заслуживало доверия общества». После этого мещанское общество выдвинуло из своих рядов в ополчение 50 человек. В протоколе собрания было записано, что эти «люди должны находиться в службе во время настоящей сей войны, для которой они назначаются, буде же, после окончания оной, потребны будут на службу, тогда чтоб зачтены были в будущие наборы». Купечество же, «смотря на добровольное и столь ревностное пожертвование мещанством на службу людей», приняло решение снабдить их обмундированием, провиантом и деньгами⁵. Уже в день оглашения манифеста о созыве ополчения жители Вятки вызвались участвовать в его создании.

24 июля к городничему Штерху явились «из господских людей до 20 человек большая часть развратного поведения без согласия господ своих и из приказных служителей почти большая часть нетрезвого поведения без дозволения на то присутственных мест, объявили желание быть в сем новом ополчении». Городничий направил их к губернатору, который «растолковал им их недоразумения и возвратил их обратно к своим господам, а приказных в те присутственные места, в которых они состоят, при том предоставил помещикам на произвол кого они пожелают пожертвовать, а из приказных служителей тех записать для сего нового ополчения, кои способны и достойны быть могут, когда оное свой состав восприимет»⁶. Данный эпизод показывает характерное поведение потенциальных комбатантов (участников военных действий). Известие о создании ополчения вызвало у них чувство эйфории и настроение воинственности. Разумеется, одним из мотивов этого поведения был и патриотизм.

Во избежание дальнейших недоразумений 26 июля Фон-Брадке направил городничим и земским исправникам предписание, в котором разъяснял порядок формирования ополчения: «...смысл о сословиях не иначе должен быть принят, как дворянское, духовное, гражданское и мирское, которые и могут назначать на службу для предполагаемого по силе Высочайшего Манифеста, состоявшегося в 6 день сего июля, ополчения: первые из своих крестьян и дворовых людей и между собою выбирают начальников, духовенство и находящиеся при разных должностях чиновники и канцелярские служители должны быть приняты с дозволения своих начальств; от гражданского и мирского обществ таковые люди могут поступить в ополчение сие по общественным их приговорам и по собственной воле, но не иначе как удовлетворяемой согласием общества... Между тем извольте объявить таковым, кои неправильно к вам явились, чтоб они обратились каждый в свои места, дворовых же людей, буде могли быть приняты без согласия их господ, иметь тот час возвратить тем, кому они принадлежат и без воли помещиков их принимать удержитесь, им же подтвердить, чтоб они того делать сами собою не осмеливались»⁷. Таким образом, при создании ополчения население Вятской губернии проявило большой энтузиазм, который, в соответствии с установками из центра, местные власти вынуждены были ограничивать.

В течение августа—сентября 1812 г. в правлениях губерний, входящих в состав 3-го ополченческого округа, на губернских и уездных дворянских со-

Цеглеев Эдуард Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Вятской государственной сельскохозяйственной академии. Киров.

браниях вырабатывались правила приема ратников, избирались командующие губернскими ополчениями и лица на офицерские должности, создавались губернские комитеты ополчения. Из расчета по 4 ратника со 100 ревизских душ в 3-м ополченческом округе планировалось собрать 46 333 ратника. Вятское ополчение из-за малочисленности помещичьих имений в губернии было присоединено к Казанскому. 28 сентября Александр I утвердил губернским командующим Казанским и Вятским ополчением избранного на эту должность Казанским дворянским собранием генерал-майора Д.А. Булыгина⁸.

По решению Вятского дворянского депутатского собрания с 64-х помещичьих владений, находящихся на территории губернии, где числилось 11 896 крепостных людей следовало собрать 437 пеших ополченцев и 47 конных⁹. Ополченцы из Вятского, Слободского и Глазовского уездов должны были собраться 3 октября в Вятке, а ратники из Уржумского, Нолинского, Яранского, Елабужского и Сарапульского уездов — с 8 по 10 октября в Уржуме¹⁰. Затем отряды вятских ополченцев должны были направиться в Казань.

Для ратников Вятского ополчения было установлено жалованье на три месяца в размере 3 руб. 75 коп. на человека (по 1 руб. 25 коп. в месяц) и провиант на три месяца — 5 пудов 16 фунтов муки на сумму 7 руб. 2 коп. и 6 гарнцев крупы на сумму 2 руб. 10 коп. на человека. Каждому конному воину на фураж для лошади полагалось на три месяца 45 пудов сена на сумму 22 руб. 50 коп. и 4 четверти 1 четверик и 6 гарнцев овса на сумму 21 руб. 9 коп.¹¹ В походе каждому ратнику полагалось также иметь постоянный запас сухарей на три дня.

Было определено и обмундирование ополченцев. Каждому ратнику полагались армяк и шаровары из серого сукна, платок на шею, кожаный ремень с пряжкой, кожаный патронташ на 20 патронов на ремне, 2 пары широких тупоносых сапог длиной по колено, кожаный ранец с двумя ремнями, две рубашки, двое портов, суконные онучи, холстяные портянки, рукавицы с теплыми варежками, суконная шапка с латунным крестом и вензелем Александра I, овчинный полушубок. Обмундирование каждого ополченца должно было обойтись в 62 руб. 55 коп. Однако вятские купцы Петр Аршаулов и Иван Репин вызвались обмундировать каждого воина за 58 руб. 25 коп.¹² Обмундирование вятских ополченцев (как и ополченцев других губерний) скорее напоминало крестьянское платье, чем военную форму. Но в этом было его преимущество, так как в отличие от формы, принятой в регулярных войсках, оно являлось удобным для ношения в полевых условиях.

Расходы на обмундирование, провиант и жалованье для ратников из крепостных, а также на фураж для выставляемых со сбруей лошадей должны были покрываться за счет поставляющих их помещиков и фабрикантов. Источником средств на содержание ополченцев-добровольцев должны были стать пожертвования населения. Для офицеров Казанского и Вятского ополчения были установлены особые ополченческие мундиры и полугодовое жалованье: губернскому начальнику — 1500 руб., полковому командиру — 750 руб., батальонным — 500 руб., ротным пехотным начальникам — 350 руб., конным эскадронным — 400 руб., младшим офицерам — 300 руб., правителю канцелярии — 500 руб., адъютантам и квартирмейстерам — 300 руб. Всем офицерам также полагалось единовременно на мундир по 100 руб., а конным и адъютантам на лошадей по 150 руб.¹³ Жалованье офицерам сначала полагалось платить из сумм, собранных на ополчение. В 1813 г. все ополченцы перешли на казенное содержание.

С конца июля 1812 г. на территории Вятской губернии развернулось добровольческое движение. Исследование архивных документов показывает, что помимо людей, назначенных в ополчение мещанскими обществами Вят-

ки (50 человек), Сарапула (29 человек), Яранска (6 человек), туда добровольно пожелали вступить не менее трех мещан из Котельнича, трех из Нолинска, пяти из Уржума, двенадцати из Слободского, четырех из Глазова. Однако в связи с тем, что мещанским обществам полагалось поставлять людей в рекруты, а не в ополчение, 26 сентября вышел указ Вятского губернского правления, в котором говорилось, что «мещане в оное не входят, а вообще с купечеством делают пожертвование денежное»¹⁴. Были добровольцы и среди государственных крестьян. В Котельничском уезде от них поступило не менее 21 заявления с просьбой о принятии в ополчение, в Нолинском — не менее трех, в Орловском — не менее четырнадцати. Однако государственные крестьяне, обязанные поставлять рекрутов, в ополчение также не принимались.

Много добровольцев было среди чиновников и приказных служителей. В Вятке в ополчение пожелали вступить не менее 20 чиновников (всего в губернии их насчитывалось около 300 человек) и несколько десятков приказных служителей¹⁵. Желавшие вступить в ополчение чиновники и приказные служители писали прошения на имя губернатора. В них свое стремление вступить в ополчение они объясняли патриотическими чувствами. Так, исправник Уржумского земского суда титулярный советник Андрей Гаврилов писал: «Пылая не преодолимою ревностью жертвовать собою для защиты отечества противу воставших врагов, прошу, на основании состоявшегося сего года июля 6 дня манифеста позволить мне вступить в Казанское внутреннее ополчение». А дворянский заседатель Сарапульского земского суда Иван Михайловский сообщал губернатору следующее: «Продолжение всей моей службы под покровительством Вашего превосходительства ошастливлено было особы Вашей такими милостями и благодеяниями, что после их я не мыслил искать в жизни моей лучшего жребия и с твердостью расположился не переменять службы моей; но когда услышал призывание верных сынов России к защите отечества, поколебалось мое намерение и все соревнование ныне стремится посвятить мою службу на защиту отечества. А посему, Ваше превосходительство, осмеливаюсь просить для вступления в ополчение уволить меня от настоящей должности, оставя оную, благодеяния на меня излитые я во всю жизнь мою буду помнить с живейшею благодарностию, которую теперь приношу и вечно буду приносить»¹⁶. Анализ прошений вятских чиновников, форма и содержание которых во многом отражают их сознание и характер, показывает, что в ополчение стремились люди разного склада. Различными были и их мотивы: служба в ополчении считалась почетной и в последующем могла обеспечить карьерный рост; кто-то стремился к военной славе и наградам; кто-то несколько поправить материальное положение бедного чиновника. Конечно же, при этом они испытывали патриотизм и верноподданнические чувства.

В итоге на офицерские вакансии в пехотный полк Казанского и Вятского ополчения были зачислены прапорщиками коллежский регистратор Канцелярии вятского губернатора Николай Халютин, канцелярист Вятского губернского правления Иван Янчевский, дворянский заседатель Сарапульского земского суда Иван Михайловский. Подпоручиками в тот же полк поступили коллежский регистратор Вятской межевой конторы Андрей Павлов, губернский секретарь из Елабуги Капитон Суворов, отставной подпоручик Николай Кузнецов. Капитаном в полк был зачислен надворный советник из Малмыжа Иван Ростовцев. Урядниками в ополчение приняли канцеляристов Вятской удельной конторы Алексея Кушилкина и Петра Мышкина, присяжного Яранского уездного казначейства Ефима Обухова. Некоторые вятские чиновники из-за отсутствия нужных офицерских вакансий в Казанском и Вятском ополчении вступали в ополчения других губер-

ний. Так, вятский городничий Штерх сумел добиться поступления в Нижегородское ополчение. А коллежский асессор Рихарт написал прошение Александру I о позволении ему поступить в Петербургское ополчение, служба в котором считалась особо почетной. Указом императора Рихарту было разрешено поступить в Петербургское ополчение. 26 ноября 1812 г. он выехал из Вятки в Санкт-Петербург¹⁷.

Большой энтузиазм проявило православное духовенство Вятской губернии. 3 октября в Вятке вызвались поступить в ополчение сразу 36 человек из духовного ведомства, а принято из них в тот день было только восемь. По распоряжению епископа Вятского и Слободского Гедеона расходы на их содержание брало на себя духовное ведомство. Многие священно- и церковнослужители, пожелавшие вступить в ополчение и получившие на то разрешение своего начальства, не принимались в него по состоянию здоровья и по причине слишком юного или слишком пожилого возраста. Например, в письме вятскому губернатору от 21 октября 1812 г. епископ Вятский и Слободской Гедеон рекомендовал принять в ополчение шестнадцатилетнего пристава Глазовского духовного правления Николая Курбатова. Фон-Брадке отвечал, что, так как по «правилам положено принимать в ополчение лиц от 17-ти до 45-ти лет, то потому сей принят быть не может»¹⁸. Изучение архивных документов позволяет определить, что в Вятское народное ополчение урядниками и рядовыми воинами были приняты 41 священно- и церковнослужитель.

После получения известия о занятии Москвы Наполеоном духовенство Уржума сформировало особое ополчение из 29 человек, которое в случае приближения неприятеля к городу должно было дать ему отпор. По указу Духовной Консистории от 5 октября 1812 г. это ополчение вооружалось, обмундировывалось и снабжалось провиантом в Уржуме на сумму 2300 руб., пожертвованную церквями Уржумского благочиния¹⁹. Особое стремление православных священно- и церковнослужителей к военной службе имеет под собой прочные духовные и этнокультурные основания. На Руси традиционно воины уходили в монахи, а монахи становились воинами. Воина и монаха объединяют пограничные душевные состояния и внутренняя борьба, для контроля над которыми необходимо проявление силы духа. Первый достигает их в экстремальных боевых условиях, второй — в условиях контакта с трансцендентным миром. Вятские священно- и церковнослужители эпохи наполеоновских войн достойно поддержали сложившуюся в России традицию. Качества потенциальных комбатантов они обрели еще в мирное время, в ходе духовной борьбы.

В октябре 1812 г. отряды вятских ополченцев стали прибывать в Вятку и Уржум. Ополченцы, прибывающие в Вятку, небольшими партиями направлялись в Уржум. К 26 октября в Уржуме было собрано 411 ополченцев из крепостных и 45 добровольцев. Среди последних было 35 человек из священно- и церковнослужителей, 9 из приказных служителей и клерков сын. Встречал ополченцев в Уржуме и проводил их освидетельствование штабс-капитан Казанского и Вятского ополчения Стрелков. Оказалось, что 324 ополченца не обмундированы должным образом. У многих, например, не было вторых сапог. Кроме того, некоторые помещики до сих пор не выставили назначенное с них число ратников. Тем не менее, 5 ноября партия вятских ополченцев, состоящая из 263 человек, в сопровождении унтер-офицера и пяти рядовых под командованием подпоручика Глазова выступила из Уржума в Казань. 17 ноября в поход выступила 2-я партия вятских ополченцев, состоящая из 211 человек под командованием штабс-капитана Стрелкова²⁰. Несмотря на недопоставку ратников, обусловленную малочисленностью

крестьян и нежеланием терять последних крепких работников, а также недостатки в обмундировании, Вятское ополчение в установленные сроки было сформировано и отправлено к месту назначения — в Казань.

Тем временем в губерниях, входящих в состав 3-го ополченческого округа (в том числе в Вятской губернии) формировалось «добавочное ополчение». В августе—сентябре 1812 г. обстановка в России стала критической. После Бородинского сражения русская армия продолжила отступление, а французские войска вошли в Москву. 3 сентября 1812 г. Александр I направил Толстому распоряжение увеличить норму поставки ополченцев с 4 до 10 со 100 душ²¹. В письме от 8 сентября император предлагал Толстому завершить создание основного ополчения форсированными темпами и готовить к участию в военных действиях²². Его место должно было занять добавочное ополчение, которое теперь становилось резервным.

Военная обстановка менялась. В октябре положение стало критическим уже для армии Наполеона, сидящей в опустошенной Москве. В этой ситуации принимается решение уменьшить норму поставки ратников в добавочное ополчение в губерниях 3-го ополченческого округа. Рескриптом от 21 октября 1812 г., данным на имя Толстого, Александр I повелел «к собранным прежде сего со 100 душ 4 воинов вдобавок к оным собрать с помянутого числа душ только по два»²³.

2 ноября Толстой направил два распоряжения Фон-Брадке. В первом он излагал содержание императорского рескрипта от 21 октября и предлагал немедленно «приступить к надлежащему приведению онаго в действие на тех же правилах, которыми и при теперешнем ополчении сборе руководствовались, полагая, что сообразно с прежним исчислением, для поставки лошадей сделанным при вновь следующем сборе половинное число оных поступить должно как строевых, так и подъемных». Во втором Толстой предлагал «сбор сей во избежание злоупотреблений, по отдаленности быть могущих, производить под надзором вашего превосходительства и людей, самим дворянством избранных, в Губернском Городе, или назначив для того два сборные места в губернии»²⁴.

10 ноября оба распоряжения были получены губернатором, а 13 ноября этот вопрос уже обсуждался в Вятском дворянском депутатском собрании. На нем была составлена новая раскладка, по которой помещикам и фабрикантам полагалось выставить в ополчение по 2 человека со 100 душ в добавок к прежним 4 со 100. Предполагалось собрать 280 ратников — 239 пеших и 41 конного. Местом сбора ополченцев был назначен город Малмыж. В тот же день был решен и вопрос о лошадях для обоза. Из Вятского дворянского собрания губернатору был направлен рапорт, в котором сообщалось: «...по содержанию означенных высочайше утвержденных о обозе внутреннего ополчения правил, на отданных пеших 496 и конных 55, а всего на 551 воина причитается поставить для пеших шесть, для конных одну лошадь, а на ныне к сбору назначенных пеших 239 и конных 41 итого 280 человек для пеших четыре и конных одну лошадь всего же на 735 пеших и на 96 конных, двенадцать лошадей и шесть повозок...»²⁵. Таким образом, через три дня после получения распоряжения Толстого о формировании добавочного ополчения вятские губернские власти и органы самоуправления решили организационные вопросы его создания.

В общей сложности добавочное ополчение Казанской и Вятской губерний должно было составить 1920 человек. К концу декабря в Малмыже были собраны 144 вятских ополченца (134 пеших и 10 конных). 29 декабря 1812 г. принятые в Малмыже ополченцы выступили в Казань, куда прибыли 8 января 1813 года. 20 января Булыгину было направлено предписание Толстого, в

котором говорилось о его выступлении с вверенным ему ополчением в поход. Начальником добавочного ополчения 3-го округа вновь был назначен Д.А. Булыгин²⁶. Первое ополчение 3-го округа, создаваемое изначально как резервное, отправлялось к театру военных действий, а его место должно было занять второе ополчение.

Зимой 1813 г. в Казани из добавочного ополчения Казанской и Вятской губерний были сформированы пехотный батальон и конная сотня. Начальником Казанского и Вятского резервного ополчения стал подполковник Евсевьев²⁷. К весне добавочное ополчение 3-го округа насчитывало 25 730 человек. Из них 42 генерала и штаб-офицера, 492 обер-офицера, 2100 унтер-офицеров и 22 916 рядовых. К тому времени русская армия совместно с войсками союзников вела боевые действия против Наполеона уже на территории Германии. 26 июня 1813 г. Александр I издал указ, в котором говорилось: «...не находя ныне нужным содержать таковой резерв, повелеваем всех добавочных воинов по 3-му округу внутреннего ополчения в оной поступивших, распустить по домам»²⁸.

Вятское ополчение было самым малочисленным из всех губернских ополчений России и в то же время одним из самых хорошо обмундированных и вооруженных. Во многом это было достигнуто за счет организации вятскими губернскими властями мероприятий, направленных на материальное обеспечение ополчения. Затраты на обмундирование, провиант и трехмесячное денежное жалование ратников ополчения из крепостных покрывались за счет выставляющих их помещиков и фабрикантов. Но этого было недостаточно. Необходимы были средства на содержание ратников-добровольцев, на жалование и мундиры офицерам ополчения, на транспортные расходы, почтовые и канцелярские затраты, а также прочие надобности. Источником получения этих средств стали налоговые сборы и пожертвования населения.

Первый налоговый сбор по 1 руб. с каждой ревизской души крепостных людей был проведен по распоряжению Вятского губернского правления от 28 сентября 1812 года. Было собрано 12 016 руб. Второй сбор по 1 руб. 25 коп. был проведен по указу Вятского губернского правления от 20 ноября — собрали 13 165 руб. По 3-й раскладке полагалось собрать по 2 руб. 75 коп. с каждой ревизской души дворовых людей в городах, а также за каждого вовремя не поставленного в ополчение ратника в уездах. Было собрано 1003 руб. 75 коп. Кроме того, впоследствии было собрано по 2 руб. 75 коп. за двенадцать дворовых людей в Сарапуле и за шестнадцать в Вятке²⁹. Всего налоговых сборов поступило на сумму не менее 26 297 руб. 75 коп. Эти средства задействовались постепенно, по мере необходимости и в нужном количестве. Наиболее крупными были 1-й и 2-й налоговые сборы, направленные на базовое материальное обеспечение основного и добавочного ополчения. Средства, полученные в ходе последующих налоговых сборов, использовались для финансирования текущих расходов.

Другим важнейшим источником средств на содержание Вятского народного ополчения стали добровольные пожертвования жителей губернии. Вятчане в огромном количестве сдавали оружие, боеприпасы, вещи, продовольствие, деньги. Активно вносило пожертвования духовенство Вятской губернии. Только в августе 1812 г. оно пожертвовало на ополчение не менее 725 руб. 65 коп. К декабрю 1812 г. от духовенства поступило не менее 12 896 руб. 25 коп. Некоторые священники жертвовали значительные суммы. Священник села Чудинова Орловского уезда Козьма Покрышкин продал за 250 руб. собственный дом и вырученные деньги пожертвовал на ополчение³⁰. Среди жертвователей были представители всех сословий и уездов Вятской губернии. Сбор средств на ополчение стал всенародным делом. Лица, внесшие наиболее солидные по-

жертвования, по указу Правительствующего Сената от 29 октября 1814 г. были награждены особыми бронзовыми медалями. В Вятской губернии таковыми стали купцы 1-й гильдии Афанасий и Федор Яковлевы, Афанасий и Федор Машковцевы, внесшие по 2000 руб., Василий Рязанцев, внесший 2500 руб., купцы 2-й гильдии Петр Аршаулов, внесший 1850 руб., Иван Хохряков, внесший 900 руб., Иван Репин, внесший 740 руб., орловский купец 1-й гильдии Иван Синцов, внесший 2000 руб., купец 2-й гильдии Феклист Изергин, внесший 700 руб., нолинский купец 1-й гильдии Иван Севрюгин, внесший 1073 руб. 75 коп. Кроме того, для ополчения было пожертвовано множество оружия, боеприпасов и различных вещей. Заводчик Яковлев поставил 350 пик³¹. Всего жителями Вятской губернии было пожертвовано на ополчение не менее 72 278 руб. Вместе с налоговыми сборами общая сумма составила около 100 тыс. руб. Этих средств хватило на полное обмундирование ратников Вятского ополчения, обеспечение их продовольствием, выплату им жалованья.

К декабрю 1812 г. в Казани было собрано около 3500 ратников основного ополчения из Казанской и Вятской губерний. Из них было сформировано 5 батальонов пехоты общей численностью 3250 человек, сведенных в 2 полка и 2 конные сотни³². Значительная часть вятских ополченцев рядовыми, урядниками и офицерами поступила в 1-й пехотный полк под командованием подполковника Н.Н. Чичагова и во 2-ю конную сотню под командованием майора Л.С. Григоровича³³. После назначения Булыгина командующим резервным ополчением 3-го округа должность начальника Казанского и Вятского ополчения кратковременно исполнял генерал-майор Н.С. Муромцев. После назначения его командующим дивизией начальником Казанского и Вятского ополчения стал А.Д. Гурьев³⁴.

Зимой 1812 г. ополчение 3-го округа готовилось к участию в военных действиях³⁵. В Нижнем Новгороде 10 тыс. ружей поступили на вооружение Костромского, Казанского и Вятского ополчений, а также частично Симбирского и Пензенского³⁶. Всего на 39 930 ратников 3-го округа, собранных к декабрю 1812 г., приходилось 21 297 ружей³⁷. Обеспечение ратников огнестрельным оружием продолжалось и в 1813 году. Рескриптом от 8 ноября 1812 г. Александр I предупреждал Толстого о том, что «вверенное вам ополчение должно быть в готовности к выступлению в поход» по направлению «из Нижнего Новгорода на Муром, Рязань, Орел и Глухов и расположиться в губерниях Малороссийских»³⁸. 18 декабря последовал приказ о выступлении в поход.

Поволжское ополчение, имея в своих рядах 66 310 ратников и 72 артиллерийских орудия, из разных мест выступило к назначенным пунктам³⁹. 4 января 1813 г. из Казани в поход выступило Казанское и Вятское ополчение⁴⁰. Накануне оно было сведено в один пехотный полк численностью 2703 человека под командованием подполковника Чичагова и 2 конные сотни общей численностью 274 человека⁴¹. Пехотинцы были вооружены ружьями со штыками и пиками, конные воины — саблями, пиками и пистолетами. Часть воинов осталась в Казани и присоединилась к резервному ополчению. В резерве была оставлена большая часть вятских ополченцев из крестьян. Из ратников, оставшихся в Казани, вскоре по домам были распущены «неспособные», а затем, в связи с роспуском резервного ополчения, и «все, кроме находившихся в походе»⁴². В поход отправились вятчане, занимающие в ополчении офицерские должности, а также добровольцы.

Маршрут продвижения Казанского и Вятского ополчения пролегал от Казани через Нижний Новгород, Муром, Рязань, Орел, Курск и Киев к Новоградволыньску. Поход проходил в тяжелых зимних условиях. По пути часть

воинов была оставлена в госпиталях. Среди госпитализированных оказалось 2 обер-офицера, 3 урядника и 81 рядовой воин. Кроме того, 16 воинов умерли, а четыре бежали. В марте 1813 г. Казанское и Вятское ополчение достигло Малороссии. Здесь его ожидали новые трудности — началось вскрытие рек. В условиях ледохода ополченцам было затруднительно переправляться через реки. Кроме того, нарушались коммуникационные связи. Тем не менее, в мае Казанское и Вятское ополчение, шедшее в арьергарде ополченческого корпуса Толстого, достигло назначенного пункта — Новоградволинска⁴³.

В осеннюю кампанию 1813 г. ополченческому корпусу Толстого совместно с регулярными войсками следовало захватить укрепленные позиции французов на реке Эльбе, которая с городами-крепостями Дрезденом, Магдебургом и Гамбургом представляла мощную оборонительную линию. Главным опорным пунктом французов на Эльбе был Дрезден с 36-тысячным гарнизоном под командованием маршала Л. Сен-Сира. В конце сентября части Польской армии Л.Л. Беннигсена приступили к осаде крепостей на Эльбе. К Дрездену был направлен корпус генерал-лейтенанта Маркова (6000 человек) и 24 тыс. ополченцев (в том числе Казанское и Вятское ополчение) под общим командованием генерал-лейтенанта Толстого⁴⁴. Другие части Поволжского ополчения были направлены на осаду крепости Глогау на Одере.

К 1 октября 1813 г., сломив сопротивление неприятеля на подступах к Дрездену, войска Толстого подступили к столице Саксонии. Первую серьезную попытку снять осаду Дрездена маршал Сен-Сир предпринял 5 октября. В 4 часа утра со стороны Мейсена показались французские войска, идущие на помощь осажденному дрезденскому гарнизону. Они атаковали русские позиции. В 7 утра 20 тыс. французов 4 колоннами выступили из Дрездена⁴⁵. В результате 12-часового боя Сен-Сиру удалось снять осаду Дрездена и отеснить от него русские войска на 5—10 километров. Однако русские солдаты и ополченцы, «выказав врожденную им храбрость, сражались упорно» и только под угрозой окружения организованно отступили. В донесении Беннигсену Толстой отмечал, что «ополчения были в первый раз в деле столь хороши, что даже превзошли все ожидания в оном». При этом были взяты в плен 4 французских офицера и 186 солдат⁴⁶.

Создав мощную ударную группировку в Дрездене и дождавшись поддержки извне, Сен-Сир в результате внезапного массированного наступления рассчитывал не только снять осаду, но и разгромить русских. Но ни фактор неожиданности, ни численное превосходство не позволили французам нанести группировке Толстого крупное поражение. Им удалось лишь отеснить русских от Дрездена. При этом русские регулярные войска и ополченцы, впервые участвующие в серьезном сражении, продемонстрировали умение правильно чередовать оборону с отступлением в зависимости от изменения обстановки на поле боя. Занимая выгодные для обороны возвышенные участки местности, они наносили атакующим французам потери, а затем организованно отступали, уводя с собой пленных.

Через несколько дней, разобравшись в обстановке, генерал-лейтенант Толстой и генерал-лейтенант Марков снова двинули войска на Дрезден. 10 октября неприятельские отряды были атакованы и разбиты у деревни Локвиц и под Максеном, а отряд генерал-майора Иванова штурмом взял город Пирну. 12 октября русские заняли деревни Обер-Геслиц, Вендиш, Карлсдорф, Поссендорф, Вельшфье. Французы были атакованы и выбиты с высот у деревни Бодриц. А в селении Нетниц было отбито 700 раненых русских и союзных военнопленных. 15 октября отряд генерал-майора Булатова атаковал неприятеля, расположившегося у деревень Прохлиц и Никкерн и опрокинул

его за деревню Лейбниц. В тот же день Казанское и Вятское ополчение (Казанский полк), а также 3-й Нижегородский и 1-й Рязанский полки с 6-ю орудиями под общим командованием Гурьева форсировали Эльбу, заняв плацдарм на ее правом берегу и установив связь с австрийскими войсками⁴⁷. К 16 октября, расчистив дальние подступы к Дрездену, русские войска осторожно, но верно вновь приблизились к столице Саксонии. Двадцатитысячный австрийский корпус под командованием И. фон Кленау также приближался к Дрездену. На этот раз обстановка складывалась не в пользу маршала Сен-Сира. После поражения Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом 4—7 октября он не мог рассчитывать на помощь извне.

16 октября начались бои на ближних подступах к Дрездену. Французы были выбиты из деревень Лейбниц, Гистриц и Добриц. 17 октября по диспозиции Толстого русские войска перешли в общее наступление. Армейские части и ополченцы внезапно атаковали неприятеля одновременно на всех пунктах, прикрывающих подступы к Дрездену. В результате наступления 17 октября Дрезден был полностью блокирован. В последующие дни, основательно приступив к осаде, русские воздвигали вокруг Дрездена редуты и флешы. Французы безуспешно пытались помешать строительству, ведя артиллерийский огонь. Малоэффективность артиллерийского обстрела побудила дрезденский гарнизон к активным действиям. 22 октября на рассвете неприятель совершил вылазку, но у редута при деревне Рекниц был остановлен и отброшен. 24 октября в 16 часов французы двумя колоннами вышли из Дрездена и, продвигаясь вдоль реки Вессериц, атаковали позиции русских у деревни Пляуен. Однако и здесь неприятель был отброшен и преследуем до городских укреплений⁴⁸. Все попытки французов изменить в свою пользу ход боевых действий потерпели крах. Итогом стала деморализация войск и утрата надежды отстоять крепость.

25 октября Сен-Сир предпринял попытку вырваться из осажденного Дрездена. На рассвете неприятельская колонна, состоящая из 8000 пехотинцев и 300 кавалеристов, при поддержке артиллерии пошла на прорыв по направлению к Торгау и Виттенбергу, создавая коридор для остальных войск. Однако неприятель был остановлен и отброшен к городу. Затем русские позиции атаковали 14 тыс. французов под командованием генерала Мутона⁴⁹. В течение всего дня шло ожесточенное сражение, в котором французы упорно атаковали, а русские столь же упорно оборонялись.

Стойкость и массовый героизм в этом сражении проявили ратники Нижегородского, Рязанского, Казанского и Вятского ополчений. Сдержав натиск неприятеля и расстроив его ряды, ополченцы во главе с начальником Казанского и Вятского ополчения Гурьевым перешли в контратаку и отбросили противостоящие им французские части к Дрездену. Об этом сражении в донесении Гурьеву начальник пешего полка Казанского и Вятского ополчения подполковник Чичагов сообщал: «Имею честь донести Вашему превосходительству о сделанной атаке на наши аванпосты. Находились в передовых постах поручик Иглин с ротой. Которого подкрепить посланы были подпоручики Ларионов и Гаврилов и прапорщик Иванов со стрелками удерживали стремление многочисленного неприятеля. В колоннах же командовали батальонами, прикрывавшими артиллерию, капитан Ростовцев и штабс-капитан Иванов и артиллерии поручик Бланк. Которые собою подавали пример неустрашимости при удержании покушения неприятеля и подкрепляли стрелков, с коими неоднократно опрокидывали и прогоняли неприятеля...»⁵⁰.

Исход сражения стал ясен к вечеру, когда измотанные французские войска отступили в город. В донесении Беннигсену Толстой сообщал: «...неприятель, видя, что все покушения остаются тщетными и его намерения про-

рваться совершенно уничтожились мужеством российских войск, воспользовавшись темнотой ночи, отступил во всех пунктах...»⁵¹. При этом отдельные неприятельские отряды сумели прорваться к Рейхенбергу, но и они были отброшены к Дрездену австрийскими войсками⁵². Французские войска не сумели осуществить прорыв из осажденной крепости. Это окончательно подорвало их волю к сопротивлению. По условиям капитуляции французы передавали союзникам все имеющееся у них оружие, в том числе 244 пушки, денежную кассу и казенное имущество. Было взято трофеев на сумму не менее 5 млн руб. Сдались в плен маршал Сен-Сир, 32 генерала, 1759 офицеров, 33 744 солдата⁵³. Поставленная командованием Польской армии перед ополченческим корпусом Толстого задача по блокированию и взятию Дрездена была решена.

В боях под Дрезденом отличились ратники Казанского и Вятского ополчения. Ими были проявлены хладнокровие и стойкость в обороне, храбрость и стремительность в контратаках. Наблюдалось четкое взаимодействие различных подразделений ополчения, эффективное действие артиллерии. Командный состав показал грамотное управление и личное мужество. Особо отличившиеся офицеры-ополченцы были награждены орденами, а рядовые — знаками отличия ордена Святого Георгия. Так, командир Казанского полка подполковник Н.Н. Чичагов был представлен к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени. О его заслугах в наградном списке сообщается следующее: «Находясь со вверенным ему полком, в делах бывших при Дрездене с примерным мужеством, а особенно отличною храбростию своею и благоразумным распоряжением, способствовал к успешному окончанию дела бывшего 25 октября». Избранный в ополчение дворянством Вятской губернии надворный советник капитан Иван Ростовцев был представлен к награждению орденом Святой Анны 2-го класса. О его заслугах сообщается: «Командуя батальоном, находился во всех делах бывших при Дрездене, в особенности отличился в сражении 25 октября». Штабс-капитан Казанского полка Иванов был представлен к ордену Святой Анны 3-го класса. О его заслугах говорится следующее: «В делах бывших при Дрездене, подавая пример подчиненным, весьма много содействовал к отражению неприятеля»⁵⁴.

В начале декабря 1813 г. корпус Толстого был направлен из Дрездена на осаду Магдебурга, а затем и Гамбурга. Комендантом Дрездена был назначен герой сражения 25 октября А.Д. Гурьев, который вскоре стал генерал-майором⁵⁵, а дрезденский гарнизон составили Казанский и 3-й Нижегородский ополченческие полки. Встретив в Дрездене окончание войны, казанские и вятские ополченцы продолжали нести гарнизонную службу до 10 сентября 1814 года. Затем по распоряжению главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли и командующего Польской армией Л.Л. Беннигсена в связи с роспуском ополчения Казанское и Вятское ополчение было отпущено домой⁵⁶. В феврале 1815 г. казанские и вятские ополченцы вернулись в свои губернии.

Безусловно, главную роль в разгроме наполеоновских войск в заграничных походах 1813—1814 гг. сыграла русская регулярная армия. Но и народное ополчение решало важные задачи, например, по блокаде и взятию крупных неприятельских крепостей с многочисленными гарнизонами. Беннигсен в специальном приказе отметил особую роль в решении этой задачи ополченческого корпуса Толстого: «...Те полки ополчения под начальством графа П.А. Толстого, которые употреблялись под Дрезденом, Магдебургом и Гамбургом, более других имели трудов и случаев к отличию, которое и действительно оказали во всех противу неприятеля делах и потому войска сии заслуживают особенного уважения за деяния свои на берегах Эльбы...»⁵⁷.

Примечания

1. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. док. М. 1962, с. 14—15.
2. БАБКИН В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М. 1962, с. 57.
3. БОНДАРЕНКО В.К. Вятское народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Киров. 1943, с. 24.
4. Материалы для Истории Отечественной и Освободительной войны по архиву Вятской Духовной Консистории. — Вятские Епархиальные Ведомости. 1912, № 33, отд. неофициальный, с. 824.
5. Отечественная война и граждане Вятки. — Вятская речь. 1912, № 191, с. 2.
6. Материалы для истории Отечественной и Освободительной войны 1812—1813—1814 гг. по Вятской губернии. — Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1912, вып. 3, отд. 2, с. 1—2.
7. Там же, с. 2—3.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 29, оп. 153в, д. 166, л. 8.
9. Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 582, оп. 7, д. 101, л. 3—5.
10. Материалы для истории Отечественной и Освободительной войны 1812—1813—1814 гг. по Вятской губернии, с. 5.
11. ГАКО, ф. 583, оп. 602, д. 391, л. 28; д. 395, л. 27.
12. Там же, ф. 582, оп. 7, д. 101, л. 95; ф. 583, оп. 602, д. 437, л. 218.
13. Там же, ф. 582, оп. 7, д. 101, л. 404; ф. 583, оп. 602, д. 397, л. 41.
14. Там же, ф. 582, оп. 81, д. 1130, л. 44—45.
15. К столетию Отечественной войны (1812—1912 гг.). В кн.: Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 г. Вятка. 1911, с. 34—37.
16. ГАКО, ф. 582, оп. 7, д. 103, л. 106, 136.
17. Материалы для истории Отечественной и Освободительной войны 1812—1813—1814 гг. по Вятской губернии, с. 60—61; ГАКО, ф. 583, оп. 602, д. 405, л. 193—195; д. 403, л. 16; д. 411, л. 30.
18. ГАКО, ф. 583, оп. 602, д. 422, л. 3—25; д. 419, л. 29; д. 415, л. 55—56.
19. Материалы для Истории Отечественной и Освободительной войны по архиву Вятской Духовной Консистории, с. 835—836.
20. ГАКО, ф. 583, оп. 602, д. 396, л. 6, 32, 81; д. 399, л. 26; д. 400, л. 60—69; д. 402, л. 36, 42.
21. Материалы для истории Отечественной и Освободительной войны 1812—1813—1814 гг. по Вятской губернии, с. 7.
22. РГВИА, ф. ВУА (846), оп. 16, т. 1, д. 3644, л. 2—3.
23. Там же, ф. 29, оп. 153 в, д. 166, л. 12.
24. ГАКО, ф. 582, оп. 7, д. 103, л. 1—2.
25. Там же, л. 27, 40, 80.
26. Там же, ф. 582, оп. 6, д. 1217, л. 43; д. 1223, л. 24; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 387—388.
27. ГАКО, ф. 582, оп. 6, д. 1226, л. 14; оп. 7, д. 106, л. 4—6.
28. РГВИА, ф. ВУА, оп. 18, д. 6887, л. 1—2; ф. 474, оп. 15, д. 1299, л. 166.
29. ГАКО, ф. 583, оп. 19, д. 12, л. 10; д. 13, л. 7; д. 20, л. 18; оп. 46, д. 17, л. 108.
30. Там же, ф. 582, оп. 7, д. 100, л. 13—14; ф. 583, оп. 20, д. 3, л. 5, 14.
31. Там же, ф. 582, оп. 47, д. 4, л. 167—168; оп. 7, д. 104, л. 9.
32. АПУХТИН В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. М. 1912, с. 64.
33. Материалы для истории Отечественной и Освободительной войны 1812—1813—1814 гг. по Вятской губернии, с. 60—61.
34. РГВИА, ф. ВУА, оп. 16, т. 1, д. 3613, л. 12.
35. БАБКИН В.И. Организация и военные действия народного ополчения в Отечественной войне 1812 г. В кн.: 1812 г. К столетию Отечественной войны. Сб. статей. М. 1962, с. 142.
36. КУТУЗОВ М.И. Сборник документов и материалов. В 4 т. Т. 4, ч. 2. М. 1955, с. 169.
37. БАБКИН В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 99.
38. РГВИА, ф. 29, оп. 153 в, д. 166, л. 14—15.
39. БАБКИН В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 198.
40. АПУХТИН В.Р. Казанское дворянское ополчение. 1812—1813—1814 гг. М. 1912, с. 38.
41. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 392.

42. ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 1130, л. 71.
43. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 392—393.
44. БАБКИН В.И. К вопросу о военных действиях народного ополчения в Освободительном походе 1813—1814 гг. — Военно-исторический журнал. 1972, № 6, с. 88.
45. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 399.
46. БАБКИН В.И. К вопросу о военных действиях народного ополчения., с. 88.
47. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 400.
48. Там же, с. 403.
49. БОНДАРЕНКО В.К. Ук. соч., с. 23.
50. РГВИА, ф. ВУА, оп. 16, т. 1, д. 3894, л. 6.
51. Там же, ф. 29, оп. 153 а, св. 13, д. 34, л. 92.
52. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Описание войны 1812—1815 гг. СПб. 1899, с. 617.
53. РГВИА, ф. ВУА, оп. 16, т. 1, д. 3416, л. 50—60.
54. Там же, д. 3894, л. 25.
55. Там же, д. 3893, л. 4.
56. ГАКО, ф. 582, оп. 45, д. 907, л. 70.
57. РГВИА, ф. 29, оп. 153 б, д. 50, л. 210.